

A woman in a long white dress is seen from behind, walking up a long, narrow wooden staircase. The staircase is flanked by dense green foliage and vines. In the background, there are classical-style buildings with columns. The overall atmosphere is serene and somewhat mysterious.

Горгой Свой

Эффект Власкова. Богатый но здоровый!

18+

Сергей Свой

**Эффект Власкова.
Богатый но здоровый!**

«Автор»

2026

Свой С.

Эффект Власкова. Богатый но здоровый! / С. Свой — «Автор»,
2026

Шел по ступенькам. Упал. Очнулся - гипс. Нет, это конечно же не про Никулина и не про "Бриллиантовую руку". Это про Васкова. Но гипс и "бриллиантовая рука" будут обязательно! И будет Юлий Цезарь, будут "золотые галеоны", да и Наполеона сыщем - куда ж без него! В конце-концов он попаданец или свисток собачий?!

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Свой

Эффект Власкова. Богатый но здоровый!

Глава 1

Искра между мирами

Боль начиналась где-то в виске – тупая, пульсирующая, будто кто-то вбивал гвоздь ритмичными, методичными ударами. Потом к ней добавилось ощущение влажной, шероховатой поверхности под щекой, запах пыли, затхлости и сладковатого аромата чьих-то духов, смешавшийся с едкой химической чистотой. Шум. Нестройный гул голосов, металлический лязг, приглушенные шаги.

Игорь Власков попытался открыть глаза. Ресницы слиплись. Мир предстал размытым пятном: яркие лампы под белым матовым потолком, зеленоватая стена, тень, скользящая мимо.

— Двадцать третий, очнулся, — произнес незнакомый женский голос где-то рядом. — Не дергайся, капельница.

Он повернул голову, и боль взорвалась новым фейерверком. Перед глазами проплыла фигура в белом халате.

— Где я? — хрипло выдавил он.

— В больнице, милый. Скорая привезла. С сотрясением, подозрение на перелом ключицы. Лежи, сейчас врач подойдет.

Больница. Значит, не умирает. Память начала возвращаться обрывками. Универ. Последняя пара. Дождь, хмурое небо над Москвой. Он спешил домой, в свою обшарпанную однушку на окраине, купленную родителями в ипотеку, которую теперь приходилось выплачивать ему одному после той роковой аварии три года назад. Подъезд. Ступеньки, всегда скользкие, с отколовшейся плиткой. Споткнулся... Да, споткнулся о развязавшийся шнурок, летел вниз, ударился головой о бетонный выступ...

А потом... Потом был не сон. Не кошмар. Нечто большее.

Вспышка. Оглушительная, всепоглощающая, бело-голубая. Но не в подъезде. Она пришла изнутри и снаружи одновременно. И вместе с ней — поток. Река из света, звуков, образов, не принадлежащих ему. Огромные города из кристалла, парящие под двойными солнцами. Корабли, разрезающие не пространство, а саму ткань реальности. Знания. Формулы, описывающие гравитационные аномалии. Принципы работы энергетических матриц. И умение... странное, смутное ощущение, будто в его распоряжении оказались рычаги, прикрепленные к самому фундаменту мироздания.

Игорь сглотнул. Горло пересохло. Он снова закрыл глаза, пытаясь отсечь внешний мир и разобраться в внутреннем хаосе. В голове было тесно. Собственные воспоминания — отец, мать, их смех, потом похороны, пустота, учеба, подработки, одиночество — отступали, придавленные этим чужеродным, огромным блоком данных. Он чувствовал себя сосуществованием, в которое налили слишком много, и вот-вот стенки лопнут.

— Интересно, — прозвучал прямо в центре его сознания голос. Он был низким, без эмоциональным, звучал не в ушах, а где-то в самой сердцевине мысли. — Биологический носитель примитивен, но нервная система демонстрирует неожиданную пластичность. Ассимиляция прошла на 78,3%. Приемлемо.

Игорь замер. Это было не воспоминание. Это было сейчас. Здесь.

— Кто здесь? — мысленно, сквозь панику, спросил он.

— Я — Зирин. Ты — Игорь Власков. Мы находимся в состоянии симбиоза, — голос был спокоен, как тихая вода. — Мой физический носитель был уничтожен энергетическим

штормом на планете Ке'Тал. Квантовый след сознания, следуя по ближайшей гравитационной аномалии — вспышке атмосферного электричества в вашей атмосфере — был притянут к подходящему биологическому реципиенту, переживавшему момент нейронной перегрузки. Ты споткнулся и ударился головой. Смерть моего тела и твоя кратковременная клиническая смерть создали уникальный резонанс. Теперь мы — одно.

— Бред, — прошептал Игорь вслух. — Контузия. Бред. Галлюцинации.

— Параметры твоего тела в норме, за исключением механических повреждений. Клиническая смерть была констатирована на 1 минуту 43 секунды. Именно в этот временной промежуток произошло внедрение. Я не галлюцинация. Я — факт.

— Уйди, — скрипнул Игорь, сжимая веки. — Уйди из моей головы!

— Это невозможно без уничтожения обоих сознаний. Я не желаю прекращать существование. И, анализируя твои воспоминания, ты — тоже. Ты цепляешься за жизнь. Это похвально.

К Игорю подошел врач — усталый мужчина лет пятидесяти в очках.

— Ну что, Власков, как самочувствие? Голова кружится? Тошнит?

— В голове... голос, — честно выдавил Игорь.

Врач кивнул, не проявляя удивления. — При сотрясении бывает. Шум в ушах, посторонние звуки. Пройдет. Сейчас сделаем еще один снимок, посмотрим на ключицу. Держись, парень.

Когда врач отошел, Зирин снова заговорил:

— Их диагностические методы ограничены. Они ищут повреждения в черепной коробке, а не в информационной матрице сознания. Не трать силы на отрицание. Прими реальность. Ты получил не только меня. Ты получил доступ.

— Доступ к чему? — мысленно спросил Игорь, чувствуя, как волна отчаяния начинает отступать, сменяясь леденящим любопытством.

— К фундаментальным силам. Ты называешь это временем и пространством. Это грубое упрощение, но для твоего уровня понимания — приемлемо. Я могу... мы можем... свернуть кратчайший путь между двумя точками. Не в трехмерном пространстве, а в более глубоких слоях. Мы можем сделать шаг вдоль оси, которую твоя наука только начала предсказывать теоретически.

— Телепортация? — в голове Игоря мелькнули образы из фантастических фильмов.

— Опять упрощение. Это не перемещение в пространстве. Это... подстройка локальной реальности под нужные координаты. И с временем — аналогично. Время — не река. Это многослойный ландшафт. Можно найти тропу на нужный уровень.

Игорь лежал, уставившись в потолок. Боль в голове отступала, уступая место нарастающему, почти экзотическому возбуждению. Он вспомнил свою жизнь: серую, бесперспективную, заполненную долгами, одиночеством и тоской. Университет, который он посещал без энтузиазма, потому что «так надо». Работа курьером, стиравшая ноги и душу. Пустая квартира, в которой даже Wi-Fi постоянно глючил.

— И что я могу с этим делать? — спросил он, и в его мысленном голосе уже не было страха, только жадный, острый интерес.

— Теоретически — многое. Практически — твое биологическое тело хрупко. Твой разум не тренирован. Первые попытки должны быть осторожными. Очень короткими прыжками. В пределах видимости.

— Покажи, — потребовал Игорь.

— Сосредоточься на точке в пределах этой комнаты. На том стуле у окна, например. Визуализируй не просто стул. Визуализируй его пространственные координаты относительно себя. Почувствуй расстояние не как метры, а как... напряжение в ткани реальности. А теперь представь, что это напряжение можно ослабить, стянуть две точки вместе, и сделать шаг, минуя промежуточное пространство.

Игорь попытался. Ничего не происходило. Он лишь сильнее ощутил боль в плече и тошноту.

— Твой разум шумит. Слишком много страха, сомнений, посторонних мыслей. Успокойся. Дыши. Для тебя это должно стать инстинктом, а не расчетом. Не думай о «как». Думай о «где».

Игорь закрыл глаза, отгородившись от больничной суеты. Он представил стул. Простой, металлический, с зеленой тканевой сидухой. Он вспомнил, как свет от окна падал на его хромированную ножку. Он почувствовал... нет, не расстояние. Что-то иное. Как будто между ним и стулом натянута невидимая, упругая пленка. И он мог, если приложит правильное усилие, проткнуть ее и...

В ушах зазвенело. Мир на миг поплыл, цвета смешались в серую кашу. Он почувствовал легкий толчок в спину, будто его подтолкнули.

И открыл глаза.

Он сидел на стуле у окна.

На больничной койке, в пяти метрах от него, лежала смятая простыня, капельница, трубка которой теперь тянулась через всю палату к пустому месту.

Сердце Игоря заколотилось, как бешеный молот. Он схватился за холодный металл подлокотников. Это не галлюцинация. Он это сделал.

— Первый шаг, — произнес в его голове голос Зирина, и в нем впервые прозвучали нотки, которые можно было принять за удовлетворение. — Неуклюже. С чудовищными энергозатратами для твоего тела. Но факт состоялся. Ты свернул пространство.

Из-за ширмы вышла медсестра, направляясь к койке. Она замедлила шаг, уставившись на пустую кровать, потом перевела взгляд на Игоря, сидящего у окна.

— Двадцать третий? Как ты...? Ты же не мог ходить!

— Я... дополз, — брякнул Игорь первое, что пришло в голову.

Медсестра посмотрела на него с подозрением, потом на капельницу, потом снова на него. — С твоими травмами? Ну-ну. Ладно, раз уж ты там, сиди смирно. Сейчас вернем тебя обратно.

Но ее уже не слушали. Внутри Игоря бушевал восторг. Страх ушел. Осталось только всепоглощающее, опьяняющее чувство силы. Он мог. Он действительно мог.

Вернувшись на койку под ворчание медсестры, он мысленно спросил:

— А время? Ты говорил о времени.

— Принцип схож. Но опаснее. Пространство — относительно стабильно. Время — турбулентно. Неверный шаг может разорвать причинно-следственные связи, важные для твоего собственного существования. Ты можешь вернуться и обнаружить, что тебя никогда не было. Или что мир изменился непредсказуемо.

— Но возможно?

— Возможно. Для начала — микроскопические скачки. На секунду назад. Чтобы понять механизм.

Весь остаток дня Игорь провел в полусне, игнорируя боль, врачей и еду. Он тренировался. Внутри себя. Он учился чувствовать ту самую «натянутую пленку» не только в пространстве, но и в потоке событий. Он ловил момент — звук капельницы, движение тени по стене — и пытался мысленно «отмотать» его назад.

К вечеру, когда палата погрузилась в полумрак, а дежурная медсестра дремала за стойкой, он решился. Он сконцентрировался на звуке — мерном тиканье часов на стене. Тик. Он представил, как звуковая волна возвращается в часы. Так. Он ощутил легчайшее сопротивление, словно он плывет против течения. И сделал мысленный «толчок».

Тик.

Ничего не изменилось. Разочарование ударило по нему. Но Зирин тут же отреагировал:

— Ты сделал это. На 0,3 секунды. Слишком малый интервал, чтобы ты его заметил. Но я зафиксировал. Процесс пошел.

Это было достаточно. Игорь уснул с улыбкой на лице. Впервые за долгие годы он засыпал не с чувством безысходности, а с жгучим нетерпением встретить новый день.

Выписали его через неделю. Ключица срослась, сотрясение прошло. Домой он возвращался другим человеком. Его походка стала увереннее, взгляд — цепким, изучающим. Он смотрел на свой район, на грязные подъезды, на уставших людей — и видел не тюрьму, а стартовую площадку. Игровое поле.

Первые эксперименты он проводил дома. Перемещался из комнаты в комнату, минуя коридор. Поднимал кружку с чаем со стола прямо в руку, «сворачивая» метр пространства. Поначалу это вызывало головокружение и носовые кровотечения. Зирин объяснял, что это реакция неподготовленного тела на энергетические затраты. Но с каждой попыткой становилось легче. Это становилось навыком. Как ходьба.

Через месяц он уже мог «перешагнуть» из своей квартиры на крышу соседнего девятиэтажного дома и обратно. Он видел мир с высоты, холодный ветер бил ему в лицо, а в груди распирало от восторга.

Но практика пространством быстро наскучила. Его манило время. Настоящие путешествия.

— Риск велик, — предупреждал Зирин. — Но если ты настаиваешь... Начни с малого. С места, которое тебе знакомо. Не пытайся взаимодействовать. Только наблюдай.

Игорь выбрал двор своего детства. Тот самый, где стояла старая покосившаяся качеля и где он в семь лет разбил коленку, гоня мяч. Он стоял посреди своего захламленного балкона, глядя на закат над панельными коробками. Он вспоминал каждый запах того двора: пыльную акацию, горячий асфальт после дождя, запах булочек из ближайшей столовой. Он искал в памяти конкретный момент: летний вечер, ему семь лет, он только что упал, плачет, а к нему бежит мама...

Он нашел «ощущение» того момента. Не мысленную картинку, а эмоциональный отпечаток. Стыд от падения, боль в колене, облегчение от того, что мама бежит. И потянулся к этому отпечатку. На этот раз сопротивление было иным — вязким, тягучим, будто он пробирался сквозь густой мед. Он услышал нарастающий гул в ушах, увидел, как мир вокруг него теряет краски, расплываясь в серую дымку. Балкон исчез. Панельные дома поплыли, как миражи.

И вдруг он ощутил под ногами не бетон, а теплую, неровную землю. Услышал детский смех, крики, лай собаки. Увидел знакомые березы, которые через двадцать лет спилили. И себя. Маленького, в синих шортах и полосатой футболке, сидящего на земле и ревушего, с окровавленным коленом.

Сердце Игоря остановилось. Он стоял в десяти метрах от себя-ребенка, невидимый для мира прошлого (так объяснил Зирин: они находятся в «складке», в режиме наблюдения). Он видел, как из подъезда выбегает молодая, улыбающаяся женщина — его мама. Такая, какой он почти забыл ее: без морщин у глаз, без вечной усталости, живая, полная энергии.

— Игорек, что случилось? Ну, давай посмотрим!

Он смотрел, как она бережно поднимает его, утешает, несет домой. Ком встал у него в горле. Он протянул руку, бессмысленный жест, но тут же одернул себя. Нет. Только наблюдение.

Мир вокруг снова поплыл, зазвенело в ушах, и он очнулся, стоя на балконе в сумерках. По его щеке катилась слеза. Он стер ее.

— Ты видел? — мысленно спросил он.

— Я записал данные. Эмоциональная нагрузка на тебя высока. Это опасно.

— Это... потрясающе, — прошептал Игорь. И в его голове начали роиться планы. Если он может попасть в любое время, в любое место... Исторические события. Сокровища. Знания!

Зирин, казалось, читал его мысли.

— Предупреждаю. Любое вмешательство, даже самое незначительное, создает волны. Они могут вернуться к тебе бумерангом. Твоя история хрупка.

Но Игоря уже не остановить. Мысль о сокровищах, о золоте, о том, чтобы раз и навсегда вырваться из нищеты, завладела им полностью. Он целыми днями рылся в интернете, составляя список. Золотые галеоны Испании, везущие сокровища Нового Света. Казна Наполеона, брошенная при отступлении из Москвы. Кладбища кораблей в Карибском море.

— Начни с малого, — советовал Зирин. — С чего-то, что не оставит значительного следа в истории. С единичного корабля.

Игорь выбрал «Нуэстра Сеньора де Аточа» — испанский галеон, затонувший у побережья Флориды в 1622 году с грузом серебра, золота и изумрудов. Он нашел все доступные данные: координаты, описание груза, историю.

Подготовка заняла неделю. Он купил на последние деньги прочный водонепроницаемый рюкзак, перчатки, фонарь. Изучил принципы работы с аквалангом (нырять он не собирался, но понимать среду было нужно). Зирин помогал с расчетами: чтобы не появиться прямо под толщей воды или в центре деревянного корпуса.

Ночью, запершись в ванной (самом изолированном месте в его квартире), он начал. Он представлял себе капитанскую каюту «Аточа» по описаниям. Дубовые панели, запах смолы, кожи и страха. Корабль в последние минуты перед крушением, когда команда уже поняла, что спасения нет, но сокровища еще на борту. Он искал «ощущение» — панику, соленый вкус шторма в воздухе, крен палубы.

Прыжок во времени был тяжелее, чем в пространстве, и многократно тяжелее, чем в его детский двор. Давление было чудовищным, будто его пропускали через жернова. Он закричал, но звук потерялся в вихре света и шума.

И очнулся в полумраке.

Его шатнуло, и он ухватился за массивный деревянный стол, привинченный к полу. Качало. Жутко качало. Воздух был густым от влаги, страха и запаха моря. За стеной гремели удары волн, слышались отчаянные крики на испанском, треск дерева. Свет одного-единственного фонаря выхватывал из тьмы роскошную, но аскетичную обстановку: койку, сундуки, карты на столе. И еще один сундук, поменьше, стоявший у самой стены, с откинутой крышкой.

Игорь подошел, светя фонариком внутрь. Он ахнул. Даже в полутьме слепили глаза золотые слитки, грубоватые, но невероятно тяжелые на вид. Рядом — мешочки, из одного высыпались изумруды, тускло зеленевшие в луче света.

Сердце колотилось где-то в горле. Он накинул рюкзак и стал быстро, дрожащими руками, перекладывать слитки. Они были невероятно тяжелыми. Он взял пять, потом, стиснув зубы, еще три. Наполнил один мешочек изумрудами. Рассудок кричал, что можно взять больше, но Зирин настойчиво твердил в голове: «Достаточно. Ты уже нарушаешь баланс. Уходи!»

Корабль с жутким скрипом накренился. Послышался звук ломающихся мачт. Игорь закинул рюкзак на спину, почувствовав, как тот тянет его к полу. Он сосредоточился на своей ванной комнате. На образе крана с подтекающей прокладкой, на трещине на кафеле. И потянулся к этому образу сквозь временной вихрь.

Обратный путь был мучительным. Груз давил не только на плечи, но и на саму реальность вокруг него. Ему казалось, что невидимые нити цепляются за рюкзак, пытаясь вырвать его из потока. Он плыл сквозь серую мглу, слыша отдаленный рев шторма и голос Зирина: «Держись!»

Он рухнул на холодный кафель ванной, содрогаясь от судорог. Из носа текла кровь. Все тело ломало, как после марафона. Но под ним был твердый, родной пол. А рядом — набитый доверху рюкзак.

С трудом отстегнув замок, он вывалил содержимое в старую ванну. Золотые слитки с глухим стуком ударили об эмаль. Изумруды рассыпались, как зеленые слезы. Он сидел на полу, прислонившись к стене, и смотрел на это богатство. На свет от лампочки, играющий в гранях камней. На клейма на слитках. 1621 год. Испания.

Он засмеялся. Тихим, истерическим смехом. Потом смех перешел в рыдания. Он плакал от счастья, от усталости, от осознания того, что его жизнь только что разделилась на «до» и «после».

— Мы сделали это, Зирин, — прошептал он, вытирая лицо. — Мы сделали!

— Мы нарушили ход событий, — сухо ответил голос в его голове. — Неизвестно, какие последствия будет иметь изъятие этих слитков. Возможно, никаких. Возможно, цепную реакцию. Теперь ты не просто наблюдатель. Ты — игрок. И игра эта гораздо опаснее, чем ты думаешь.

Но Игорь уже не слушал предостережений. Перед ним лежало состояние. Решение всех материальных проблем. А впереди... впереди была вся история человечества. Бородино, где он мог поднять уникальную саблю или ордена. Древний Рим, где можно было найти потерянные произведения искусства. Бесчисленные сокровища, похороненные в веках.

Он поднял один слиток, ощутив его холодную, неумолимую тяжесть. Это был не просто кусок металла. Это был билет. Билет в новую жизнь. В жизнь, где он, Игорь Власков, бывший студент-неудачник из захолустного района, мог стать кем угодно. Богачом. Путешественником во времени. Тайным властелином истории.

Но пока Игорь лишь улыбался, глядя на золотой блеск в старой ванне. Завтра он начнет новую жизнь. А сегодня... сегодня он был бесконечно богат.

Глава 2

Складки чужих миров

Золото лежало в ванне. Тяжелое, тусклое в полумраке санузла, оно казалось нелепым артефактом, не принадлежавшим этому миру. Игорь смотрел на слитки, но внутри не было эйфории. Была пустота, будто он только что выбежал из душного помещения на мороз и перехватило дыхание. Руки дрожали мелкой дрожью, в висках стучало, во рту стоял привкус меди и страха.

«Адреналин и остаточные эффекты пространственно-временного скачка», — констатировал в его голове голос Зирина, ровный и аналитичный. — «Биологические показатели стабилизируются. Ты жив. Миссия завершена успешно».

— Успешно? — Игорь прошептал хрипло, отрывая взгляд от сокровищ. — Я украл. Я вор.

«Ты изъял материальные объекты из ветки реальности, которая в твоей основной линии уже не существует. „Аточа“ затонула. Ее груз считается утраченным. Ты не украл у конкретных людей. Ты... извлек ресурсы из исторического пласта. Как добывают руду из земли».

— Но это же меняет прошлое! Что если из-за пропажи этих слитков кто-то не получил плату, не начал дело, не... — голос Игоря сорвался.

Зирин помолчал, и в этой паузе Игорю почудилось что-то вроде терпеливого вздоха.

«Твоя логика линейна и ограничена. Ты думаешь, будто время — одна прямая дорога. Это не так. Представь бескрайний лес, где каждое дерево — возможный вариант событий. Каждый лист на каждом дереве — момент выбора. Ты сделал шаг с тропинки, на которой стоял, вглубь чащи, сорвал несколько плодов с дерева в другой части леса и вернулся на свою тропинку. Тропинка не изменилась. Дерево, с которого ты сорвал плоды, продолжает расти в своей части леса. Но теперь у тебя в кармане эти плоды».

Игорь медленно поднялся с кафельного пола, опираясь на раковину. Зеркало отразило бледное, осунувшееся лицо с лихорадочным блеском в глазах. Он выглядел как после тяжелой болезни.

— Значит, я ничего не испортил?

«Испортил — понятие субъективное. Ты создал новую микроветвь. В той реальности, где офицер не досчитался слитков, события пошли чуть иначе. Возможно, он был казнен за халатность. Возможно, решил, что ошибся в описи. Вариаций — мириады. Но ключевой момент: эта микроветвь не пересечется с твоей основной линией. Параллельные реальности не влияют друг на друга, если не прикладывать колоссальных, целенаправленных усилий. То, что ты сделал, — квантово-ничтожное воздействие. Оно растворится в бесконечности вероятностей».

Облегчение, хлынувшее на Игоря, было таким же сильным, как перед этим — страх. Он не стал разрушителем. Он — собиратель. Археолог, способный добывать артефакты из самого сердца истории.

Он снова посмотрел на золото. Теперь оно выглядело иначе. Не как украденное сокровище, а как трофей. Доказательство его силы. Но что с ним делать?

Продавать? Нести слитки XVII века сомнительному перекупщику, отвечать на вопросы, привлекать внимание? Это казалось глупым и опасным. Он не хотел менять свою жизнь в этой реальности резко. Не хотел становиться объектом интереса бандитов, налоговой или любопытных соседей.

— Я не буду это продавать. Не сейчас, — сказал он вслух, как будто отчитываясь перед Зирином.

«Рациональное решение. Эти объекты — прежде всего доказательство концепции. Практической ценности в твоём текущем социуме они не имеют без рисков. Их ценность — в том, что они существуют здесь и сейчас, вне своего времени».

Игорь аккуратно, с трудом (слитки были невероятно тяжелы) собрал их обратно в рюкзак вместе с изумрудами. Спрятал на антресолях, за старыми одеялами и чемоданами. Теперь это был его тайный резерв. Фундамент будущей империи, о которой он пока лишь смутно мечтал.

Следующие дни прошли в странном полусне. Он ходил на пары (теперь они казались ему бесконечно скучными и бессмысленными), подрабатывал курьером (каждый километр на велосипеде ощущался как оскорбление, когда он мог преодолеть его мгновенно), но все его мысли были там, в складках реальности.

Он тренировался дома, совершенствуя мастерство. Теперь он мог «перешагивать» из квартиры в ближайший парк, в библиотеку, даже однажды — на пустынную смотровую площадку Воробьевых гор ночью. Головокружение и кровотечения почти прекратились. Тело адаптировалось. Разум жаждал большего.

— Я хочу увидеть твой мир, Зирин.

Мысль, которую он вынашивал несколько дней, наконец оформилась в слова, произнесенные вслух в тишине его комнаты.

Внутри царил тишина. Не та пустая тишина, когда Зирин молчал, а напряженная, тяжелая пауза.

«Это... неразумно», — наконец ответил голос. — «Расстояние не в пространстве, а в онтологии. Разрыв между нашими реальностями колоссален. Энергозатраты будут на порядки выше. Риск ошибки — катастрофический. Ты можешь не вернуться. Или вернуться... не целым».

— Ты же говорил, ветки реальностей не пересекаются. Значит, это будет просто другая ветка. Не та, где ты погиб. Та, где ты, возможно, все еще жив. Или где твоя цивилизация существует. Мы можем просто посмотреть. Как я смотрел на свое детство.

«„Просто“ — неподходящее слово. Но... твоя настойчивость имеет под собой логику. В той реальности могут существовать технологии, материалы, знания, бесполезные для моей погибшей цивилизации, но способные совершить революцию в твоей. Или, наоборот, предметы, не имеющие там ценности, но бесценные здесь».

Игорь почувствовал, как загораются его глаза. Он уловил слабый интерес в тоне Зирина. Тот скучал по дому. По своему миру.

— Значит, можем?

«Нужна точка привязки. Мои воспоминания. Конкретное, сильное, эмоционально заряженное место. И время, максимально приближенное к моменту моего... исхода. Чтобы минимизировать онтологический разрыв».

— Выбирай.

Следующие несколько часов Игорь лежал с закрытыми глазами, погружаясь в чужие воспоминания. Это было не похоже на просмотр фильма. Это было полное погружение. Он не видел картинки — он чувствовал. Ощущал кожей сухой, прохладный воздух с легкой примесью озона и чего-то цветочного, неземного. Слышал не голоса, а мысленные импульсы, сливавшиеся в стройную полифонию разума. Видел не глазами, а каким-то внутренним зрением — потрясающие виды города Ке́Тала.

Город не был построен — он был выращен. Башни, похожие на кристаллические сталактиты и сталагмиты, сращенные в середине, переливались всеми цветами спектра, отражая свет двух солнц: крупного желтого и маленького голубоватого. Транспорт не ездил по земле — он плавно скользил по настроенным левитационным коридорам, невидимым магнитным рельсам. Существа, похожие на Зирина (Игорь получал смутный образ: высокие, стройные, с

кожей цвета темного нефрита и большими, полностью черными глазами), двигались неторопливо, общаясь легкими касаниями длинных пальцев или просто мысленно.

И место. Место силы для Зирина. Не административный центр, не жилище. «Сад Резонанса». Парк, где кристаллические формы жизни взаимодействовали с психическими полями разумных существ, создавая симфонию света, звука и эмоций. Там Зирин, ученый-теоретик в области пространственно-временных аномалий, приходил обдумывать сложные уравнения. Там он чувствовал связь со всей планетой, с ее разумной биосферой.

— Там, — прошептал Игорь, захваченный красотой чужого мира. — В Сад Резонанса. За мгновение до шторма. Ты чувствовал его приближение?

«Да. Я наблюдал за слиянием двух протуберанцев на меньшем солнце. Это предвещало энергетическую бурю. Я рассчитывал траектории выбросов... и ошибся в коэффициенте. Мгновение, которое ты хочешь зафиксировать, — это момент, когда я осознал масштаб ошибки. За пятьдесят семь секунд до того, как плазменный шлейф прошел через мою лабораторию».

Грусть, тоска, холодная ясность — волна чужих эмоций накрыла Игоря. Он не стал их отталкивать. Это была цена билета.

Подготовка была иной. Никаких рюкзаков. Только он сам в простой одежде, не стесняющей движений. Зирин провел с ним что-то вроде ментального инструктажа, объясняя принципы «онтологической якорности». Чтобы не потеряться между мирами, нужно крепко держаться за воспоминание-якорь. И за свое собственное «я».

Он стоял посреди комнаты, убрав подальше все хрупкое. Делал глубокие вдохи и выдохи, стараясь унять дрожь в коленях. Это был не прыжок в прошлое своей планеты. Это был прыжок в другую вселенную.

— Начинай, — мысленно сказал он Зирину.

Чувство было сродни тому, что он испытывал при первом прыжке в больнице, но умноженное на тысячу. Его не тянуло и не толкало. Его разрывало. Белый шум в ушах перешел в оглушительный рев, будто он падал с огромной высоты в бездонный колодезь. Перед глазами не плыли образы — они взрывались калейдоскопом невообразимых цветов и форм, не подчинявшихся земной геометрии. Он чувствовал, как его молекулы хотят разлететься в разные стороны, как сознание теряет границы, сливаясь с хаотичным потоком межмировой ткани.

«Якорь!» — голос Зирина прорвался сквозь рев, как луч маяка. — «Сад! Свет двух солнц на грани кристалла! Запах силирина! Ощущение надвигающейся бури!»

Игорь из последних сил, сквозь боль и панику, ухватился за эти образы. За прохладу воздуха. За чувство тихого ужаса от неминуемой катастрофы. За цвет — особый оттенок лилового в небе перед вспышкой.

И вдруг — тишина.

Давящая, оглушительная тишина, сменившая рев. И... невесомость.

Он открыл глаза. И замер.

Он парил. Не в воздухе. В чем-то более плотном, прозрачном и слегка сияющем изнутри. Он находился внутри огромной, пузырьревидной структуры на краю того самого Сада Резонанса. Перед ним открывался вид, от которого перехватывало дыхание даже в чужих воспоминаниях.

Два солнца висели в небе, окрашивая все в неземные тона: золотистые, бирюзовые, фиолетовые тени. Кристаллические «деревья» — некоторые высотой с небоскреб — тихо пели. Их песнь была не звуком, а вибрацией, которая проходила сквозь тело, настраивая что-то внутри на волну покоя и величия. Воздух был прохладным, чистым и пахнущим чем-то невыразимо чудесным — смесью дождя, свежесрезанной травы и озоном после грозы.

И он видел их. Ке⁷Тальцев. Они плавно двигались по извилистым дорожкам, их темные силуэты изящны и грациозны. Никто не спешил. Царила атмосфера глубокого, осмысленного спокойствия.

А потом он увидел... себя. Точнее, того, чьи воспоминания он носил в себе. Зирина. Тот стоял на открытой площадке, глядя в небо, где вокруг голубого солнца начинал формироваться зловещий сияющий венец. Его поза, переданная через призму самонаблюдения, выражала не страх, а сосредоточенную, почти математическую тревогу. Он видел ошибку в небесной механике. За секунды до гибели.

Игорь почувствовал острую, почти физическую боль утраты. Не своей, а Зирина. Тоску по этому миру, который вот-вот перестанет быть для него домом.

«Теперь ты видишь. У нас мало времени. Буря начнется через сорок три секунды. Двигайся туда, — мысленный голос Зирина был напряженным, но четким. Он указал направление — не к себе, а к одному из низких, приземистых зданий на краю Сада, больше похожему на естественный холм, поросший кристаллами. — Архивный терминал общего доступа. Там могут быть общедоступные образцы, схемы, не представляющие стратегической ценности, но способные дать тебе основу для понимания».

Игорь попытался «шагнуть», как он делал это на Земле. Ничего не произошло. Он все так же парил в пузыре.

«Ты не в своей реальности. Физические законы, константы — все иное. Используй не мышечную память, а мой опыт. Представь не сокращение пространства, а... согласование своей волновой функции с локальным полем. Позволь ему пронести тебя».

Это было непостижимо сложно. Как научиться дышать под водой одним усилием воли. Игорь закрыл глаза, отключив ослепляющую красоту мира, и попытался почувствовать то, что чувствовал Зирина. Окружающую среду не как пустое пространство, а как упругую, разумную субстанцию, пронизанную энергией и информацией. Он мысленно «попросил» ее переместить его к Архивному терминалу.

Ощущение было странным — его не понесло, он просто оказался в другом месте. Теперь он парил внутри такого же прозрачного пузыря у стены здания. Перед ним была гладкая, переливающаяся поверхность, испещренная мерцающими символами.

«Коснись. Мысленно запроси „Открытый архив. Базовые принципы. Материаловедение. Энергетика малых форм“».

Игорь мысленно повторил запрос. Поверхность ожила. Символы потекли, сливаясь в трехмерные голограммы, схемы, формулы. Информация обрушилась на него водопадом — не через глаза, а прямо в сознание. Он не понимал и десятой доли, но Зирина действовал как фильтр и переводчик, упаковывая потоки данных в сжатые, базовые концепции, которые мозг Игоря мог хотя бы зафиксировать.

Принцип левитации на основе управления гравитонами. Схема портативного энергогенератора, использующего в качестве топлива космический микроволновый фон. Состав и процесс синтеза сверхпрочного, но легкого сплава «кейралиума», аналога которого на Земле не существовало. Простейшие медицинские сканеры-регенераторы, способные заживлять ткани на клеточном уровне.

«Сосредоточься на физических образцах, — торопил Зирина. — В боксе слева. Общедоступные демонстрационные материалы».

Игорь «потянулся» мысленно к указанному месту. Часть стены отъехала, обнажив нишу с несколькими предметами. Там лежали небольшие, ладонного размера, предметы: несколько слитков металлов разного цвета (один из них был знакомым желтым — золото, но его структура на молекулярном уровне, как понял Игорь через Зирина, была идеально чистой, без примесей), кристаллическая пластина, тонкая как фольга, и устройство, похожее на браслет с тускло мерцающим камнем в центре.

«Золото — проводник с идеальными показателями в их энергосистемах, но распространенный элемент. Ценности не имеет. Кристаллическая пленка — накопитель информации. Браслет — персональный манипулятор полей, примитивный по их меркам, но для тебя... бес-

ценный. Он позволяет в ограниченной мере взаимодействовать с полями, включая гравитационное. Бери».

Игорь, действуя больше интуицией, чем пониманием, «взял» предметы. Они исчезли из ниши и появились... внутри его пузыря, просто зависли рядом с ним. Материализовались из энергии? Были телепортированы? Он не знал.

В небе громыхнуло. Голубое солнце вспыхнуло ослепительной белизной. По небу поползла волна искажения, как будто пространство itself закипало.

«Буря! Возвращайся! Сейчас!» — голос Зирина в его голове зазвучал как натянутая струна.

Игорь в последний раз бросил взгляд на Сад. На фигуру Зирина, которая теперь смотрела не в небо, а... как ему показалось, прямо на него. На его пузырь. Их взгляды встретились через время, пространство и реальности. В черных, бездонных глазах ке'тальского ученого Игорь увидел не удивление, а понимание. И что-то вроде печального прощания.

Затем фигура Зирина растворилась в нарастающем море белого пламени, которое поглощало кристаллические башни, Сад, все. Волна энергии, не световой и не тепловой, а какой-то более фундаментальной, ударила в пузырь Игоря.

Он не успел даже испугаться. Мир взорвался в хаосе. Обратный путь был не прыжком, а падением в черную дыру, полную иголок. Его сознание сжималось, его тело разрывалось на кварки и собиралось обратно. Он кричал, но звука не было.

Он пришел в себя, лежа лицом вниз на холодном линолеуме в своей комнате. Тело была мелкая дрожь, будто в лихорадке. Из рта сочилась горьковатая слюна. Он с трудом перевернулся на спину, уставившись в потолок с знакомой трещиной в форме дракона.

Рядом с ним на полу лежали три предмета.

Слиток золота, но такого яркого, чистого, идеального желтого цвета, что земное золото рядом с ним казалось грязным и тусклым. Он был теплым на ощупь и почти невесомым, хотя по размеру был с большой кирпич.

Кристаллическая пластина, тонкая и гибкая, переливалась всеми цветами радуги.

И браслет. Простой, темно-серый обод, на котором был закреплен небольшой, тускло светящийся изнутри камень молочного цвета.

Игорь лежал и смотрел на них, пытаясь перевести дыхание. В голове было пусто и тихо. Зирин молчал, будто обессилел после пережитого.

— Мы... мы сделали это, — наконец прошептал Игорь. Его голос звучал чужим. — Я видел твой мир. Я... я видел тебя.

«Да, — тихо отозвался Зирин. Его голос звучал приглушенно, с нотами глубокой, нечеловеческой скорби. — Ты видел. И я снова увидел. За мгновение до конца. Это было... важно. Спасибо».

Игорь понял. Для Зирина это было прощанием. Закрытием гештальта. Он увидел свой дом не в воспоминаниях, а как бы со стороны, в момент гибели. И видел себя. Это принесло боль, но и странное умиротворение.

— Что мы принесли? — спросил Игорь, чтобы перевести тему, прикоснувшись к браслету.

«Золото. Чистота 100%. Кристаллическая решетка выровнена на квантовом уровне. Это не просто металл. Это сверхпроводник при комнатной температуре, идеальный катализатор для многих реакций. На твоей планете его стоимость будет определяться не как драгметалла, а как технологического чуда. Но продавать его нельзя. Он — ключ».

— Ключ?

«К пониманию их материаловедения. Анализируя его, твои ученые (если ты когда-нибудь решишься поделиться) смогут сделать сотни открытий. Пленка — архив. В ней записаны

основы. Принципы, а не готовые чертежи. Как... азбука для гения. Ее можно попытаться считать с помощью сложных электромагнитных полей. Браслет... — Зири́н замолчал, будто подбирая слова. — Это инструмент. Личный манипулятор полей. На Ке́Тале дети используют такие для игр, обучаясь управлению гравитацией. Он настроен на биосигнатуру, но я могу перенастроить его на твою. Он позволит тебе... — В голосе Зирина впервые прозвучала осторожная надежда. — Он компенсирует твою биологическую слабость. С ним ты сможешь прыгать дальше, точнее, с меньшими затратами. И не только прыгать».

Игорь с благоговением взял браслет. Он был легким, почти невесомым. Он примерил его на запястье. Металл был прохладным, потом быстро нагрелся до температуры тела. Камень вспыхнул чуть ярче, и Игорь почувствовал легкое, едва уловимое покалывание по всей коже.

«Он сканирует тебя. Адаптируется. Через несколько часов связь установится».

— А что он может еще? Кроме помощи в прыжках?

«Минимальное управление гравитацией в непосредственной близости от тебя. Ты сможешь сделать предметы легче или тяжелее. Защитное поле, слабое, но способное остановить пулю низкой скорости или лезвие. Энергетический импульс. Очень слабый, на уровне электрошокера. И... сканирование. Он сможет анализировать состав веществ, простую биодиагностику».

Игорь засмеялся. Сначала тихо, потом все громче, пока смех не перешел в истерический хохот. Он лежал на полу своей убогой квартиры в спальном районе Москвы, а на его руке был браслет инопланетной цивилизации. Рядом лежало золото, которое перевернуло бы всю мировую физику. И он мог ходить куда угодно и когда угодно.

Он перестал смеяться, внезапно осознав тишину вокруг. Мир за окном жил своей жизнью: ехали машины, гудели трамваи, люди шли по своим делам, ничего не подозревая. А он сидел на полу с артефактами богов в руках.

Что дальше? Теперь, когда страх «испортить историю» ушел, открылся простор для действий. Бесконечный простор. Он мог идти в любую эпоху, брать что угодно (в разумных пределах, как убеждал себя Зири́н, чтобы не создавать катастрофических ветвлений). Он мог стать невидимым императором истории. Или просто богатым и свободным человеком. У него была сила. Настоящая сила.

Он поднял кристаллическую пластину. Она переливалась, словно живая. «Азбука для гения». Может быть, когда-нибудь... Но нет. Делиться этим с кем-то? Отдавать в руки человечества такие технологии? Он видел, что люди творят с куда более примитивными вещами. Нет. Это будет его тайна. Его преимущество.

Он встал, ощущая прилив энергии. Слабость после прыжка уходила, ее заменяла уверенность. Он спрятал золото и пленку в тайник со слитками с «Аточи». Браслет оставил на руке. Под рукавом его не было видно.

Он подошел к окну, глядя на сумеречный город. Москва зажигала огни. Огни его времени. Но теперь для него они были лишь одной точкой на бесконечной карте времен и реальностей.

— Куда дальше, Зири́н? — спросил он мысленно. — Бородино? Помпеи? Может, посмотреть на динозавров?

«Сначала — отдых. И тестирование браслета. Когда связь установится полностью, мы сможем планировать более сложные миссии. Но да... — В голосе Зирина снова появился тот же интерес, что был перед прыжком на Ке́Тал. — Есть вероятность, что некоторые исторические артефакты твоего мира обладают... неучтенными свойствами. Энергетическими следами. Может быть, стоит начать не с грабежа, а с исследования?»

Игорь улыбнулся. Исследование. Звучало благородно. И не исключало возможности что-нибудь... присвоить. Разумно и аккуратно.

Он поймал себя на том, что думает не как студент Игорь Власков, а как кто-то другой. Как путешественник. Как хозяин времени. Страх и неуверенность, терзавшие его всю жизнь, отступали, растворяясь в осознании собственного могущества.

Он посмотрел на браслет. Камень светился ровным, мягким светом, синхронно с биением его сердца.

Приключение только начиналось. И у него теперь был не только голос в голове, но и ключи от всех дверей во вселенной. Всех, кроме одной — двери в его собственную, прежнюю, обычную жизнь. Эту дверь он только что захлопнул навсегда.

Глава 3

Принцип изобилия

Тишина в квартире после путешествия на Ке'Тал была особой — гус

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.